

18+

Ликка Волхова

Никто, кроме меня

Мистическая повесть

Ликка Волхова

**Никто, кроме меня.
Мистическая повесть**

«Издательские решения»

Волхова Л.

Никто, кроме меня. Мистическая повесть / Л. Волхова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658349-8

Пожилой мужчина поссорился с дочерью и уехал на дачу, сказав, что никто, кроме него, не будет на ней жить. Он не ждал, что его слова исполнятся настолько буквально.

ISBN 978-5-00-658349-8

© Волхова Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Никто, кроме меня Мистическая повесть

Ликка Волхова

© Ликка Волхова, 2025

ISBN 978-5-0065-8349-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«...Обычной ошибкой начинающих исследователей является то, что они путают причину и следствие. Причины происходят раньше, это столь очевидно, что об этом часто забывают. Попытка рассмотреть любой процесс с середины обречена на провал, поскольку даже в циклах...»

к.б.н. с.н.с. Муравьев Э. А.

«Ночью взошло солнце».

Этой фразой стоило начать книгу, но ее уже использовали в заставке компьютерной игры. Внук Павлик с удовольствием выслушивал однообразные реплики компьютера вроде: «Повелитель, ваши приказы гениальны», и вот уже час как не отрывался от монитора. Эдуард Анатольевич сомневался, что подобные игры идут внуку на пользу, но в воспитательный процесс не встраивал.

– Ночью взошло солнце, – красивым, прочувствованным тенором произнес компьютер.

Эдуард Анатольевич читал распечатку одной главы из нового учебника, изданного под редакцией его давнего друга, профессора Михаила Мерцевича. Неосознанная, но колющая зависть заставляла его придирчиво выискивать в тексте ошибки... опечатки... просто неточности... Но внук со своим компьютером не давал сосредоточиться, и четкие ряды слов оставались совершенными.

– Паша, – в комнату энергично вписалась Ника, дочь, – все. Выключай давай.

– Нинмаммм... ну... мам, – Павлик так и прикинул к экрану, пытаясь насладиться последними мгновениями игры.

– Без «мам», давай, быстренько, – Ника бросила взгляд на отца. Эдуард почувствовал его – на взгляды дочери у него развилось неплохое чутье. В последнее время они стали неслучайны... и в какой-то мере опасны.

Ника подтолкнула сына:

– Иди, там папа на кухне чай пьет.

Тот ускакал. Эдуард крепче сжал распечатку, словно дочь собиралась вырвать ее у него из рук.

– Пап, у меня идея, – начала Ника, – почему бы тебе на лето с Пашей не поехать на дачу?

Он резко повернул к ней голову, подозрительно прищурившись. Он был чересчур отчетлив и в жестах, и в мимике, что часто выглядело смешным, но в то же время артистичным.

– Ты хочешь сказать, почему бы мне не поехать на дачу с Пашей?

Ника закатила глаза:

– Какая разница тебе, па... надо же ему воздухом подышать, оторваться от этого компьютера, наконец.

– Я хотел, – начал Муравьев.

– Па.

– Но я же, – он снова вцепился в распечатку, и тут вспомнил, что он теперь на пенсии.

– Господи, да о чем таком я прошу-то? Что, с родным внуком пожить – так сложно?

Она или не понимала, или не хотела понимать.

– Никаша, тут... понимаешь, была выведена рецессивная чистая линия...

– Папа, – остановила она его, – я в этом не разбираюсь. Но нужно же Пашку куда-то девать?

– Да почему именно...

– Ну тебя, – озлилась дочь, – уперся в своих мышей! Все у тебя опыты! Ты на пенсии уже, на пенсии, чего нейметя-то?

«На пенсии» – как удар под ребра, нечестный.

– То, что я не остался в этом гадюшнике, – повысил голос и Эдуард, – не значит, что я бросил науку, черт ее подери! Я не собираюсь забивать козла и петть под гармошку только потому...

– Наука! Па, да ты даже докторскую не защитил!

– Да я ее и не писал! По теме завкафедрой! Под рецензией этого надутного членкора! Уж я лучше останусь кандидатом!..

– Ой, какие гордые! Какие гордые все! – Ника подчеркнуто взмахнула руками.

Эдуард открыл рот, чтобы ответить, но, переполнившись злостью, вскочил и забежал по комнате, как большая заводная игрушка.

– Я – ученый! – вдруг развернулся он, – это не должность, это, знаешь ли...

– Отговорки! – покрасневшая, обозленная, она уже не пыталась уговорить отца, шла в бой и пленных не брала, – все отговорки твои я давно изучила. Тебе просто плевать на нас. Твоя дача! Сделал из нее... культ! Совсем свихнулся.

Молчание. Осознание того, что ссора перешла черту безопасности. Муравьев замер, откинув седую голову. Ника тяжело дышала за его спиной.

– Дача тебе важнее семьи, – сказала она, – ну и живи на ней. А мы обойдемся, – и она развернулась, создав небольшой вихрь, и хлопнула дверью.

Муравьев рухнул на кресло, нервно оттер с виска пот.

– Не хотите и не надо, – пробормотал он, – и отлично. И не будете вы там жить, никто, кроме меня не будет там жить, замечательно.

Часть первая

«... Сложнее всего найти ошибку опыта, вернее, ту точку, где ход рассуждений сбивается, и далее умозаключения строятся на ложных предпосылках...»

к.б.н. с.н. с. Муравьев Э. А.

Эдуард остановился перед калиткой своей дачи. Апрель прыгал вокруг него – мелкий дождик, холодный ветерок – апрель был рад. Эдуард Анатольевич тоже был рад. Он улыбнулся своему дому, встряхнул головой – с легких седых волос полетели капельки. Вытащив ключ, он ненадолго замер, переводя дыхание и слушая тишину.

Вот и дома.

Калитка открылась, стукнувшись об обломок кирпича. Красить уже надо. Поправив рюкзак (а плечи уже устали... стареешь, Эдик?), Муравьев шагнул через лужу и, поднырнув под голые еще ветки сирени, захрустел высокими ботинками по гравию дорожки.

Дом показался ему усталым и темным. Он всю зиму ждал хозяина, мерз. Эдуард Анатольевич, сбросив рюкзак, пошел вкручивать пробки. Электричество было.

Муравьев очень любил приезжать на дачу ранней весной. В одиночестве прошедшие годы несущественны, а дни тянутся долго. А туманы – плачущие весенние туманы? А прозрачная тишина, накрывающая мир – стоишь, замерев, смотришь распахнутыми глазами и знаешь, что все равно не запомнить? Такого нет больше нигде.

Печка разгораться не торопилась. Эдуард Анатольевич устало переложил дрова посвободней, поджег жгут из газеты и сунул его в жерло буржуйки. Предстояло прогреть дом, а эта чертова печка... Что-то кольнуло висок – Муравьев поморщился.

– Гори, скотина, – пробормотал он, подсовывая новые и новые скомканные газетки. Проверил заслонку – открыта. Неужели труба забилась? В этот миг он пожалел о том, что приехал. Но тут же в печке раздалось легкое, трепещущее гудение, и сожаление растаяло.

Постель была сырая. Забравшись под одеяло, Муравьев подумал, что в молодости он на такие вещи внимания не обращал. Впрочем, о чем это он? Не так он и стар. Он повернулся на бок. Заснуть, конечно, сложно. Дом тоже не молод. Ему тоже не спится в сырости, и он вздыхает, вздрагивает, хрустит досками.

Бессонница.

...пришла, незваная.

Негодница! Чужая, странная,

Извечная противница сестры своей,

Беспечная...

За ней? Людей? Теней?.. поперебирая рифмы и не найдя достойной, Муравьев заворочался и сел. Включил свет и потянулся за книгой. Казалось бы, зачем ему, ученому, немолодому уже человеку, читать Жюль Верна? Он открыл книгу и провел взглядом по строчкам, как ладонью по спине любимой кошки.

Сейчас он, кстати, уже не ученый. Поэтому может читать хоть Дарью Донцову или про Гарри Поттера. Но это соображение не утешило его. Всю свою жизнь он был ученым. И вот – ушел. Не захотел длить вечное чаепитие. Последние годы у него было ощущение, что задача кафедры – выпить мировые запасы чая. Наперегонки с соседями.

«Ладно, все. Ты уже ушел. Тебя проводили, пожали руку, молодец, отработал, иди пей свой чай дома».

Он читал до трех ночи. Потом, когда пугливый теперь сон подобрался близко, Муравьев выключил свет. Заснув, он захрапел вовсю – вот уже двенадцать лет, как его храп никому не мешал.

Утро показалось ему летним – так беспечно осветило стену солнце, заглянув в окно. Эдуард на пробу высунулся из-под одеяла, но тут же спрятался опять. «Все же не лето», – подумал он, и, собравшись с духом, откинул одеяло. Стуча зубами, он оделся и выбежал на кухню ставить чайник. Позавтракав, Эдуард Анатольевич вытряхнул все вещи из рюкзака прямо на диван – все равно потом убирать весь дом – и отправился в магазин.

До деревни идти было недолго. Под ногами хрустели камешки, щеки Эдуарда покраснелись, глаза заблестели, шагал он широко, и если бы не белые, похожие на одуванчик, волосы – сошел бы за молодого, лет сорока, мужика. Тррр-дых-дых-дых-дых! – навстречу ему мчался мотоциклист, юноша с эдаким суровым выражением лица. Эдуард Анатольевич отошел к обочине, махнул мальчишке рукой: эй, техасский рейнджер! Хелло! Парень унесся, оставив бензиновое облачко дыма, и Муравьев зашагал дальше.

Эдуард всегда закупался капитально. Он находил особый смак в том, чтобы, единожды сходя в магазин, вынести оттуда максимум еды и жить на ней как можно дольше. Однажды он прожил так две недели. «Побью рекорд», – весело подумал Эдуард, запихивая в рюкзак четыре батона.

– И сыру килограмм, девушка. Вон того, ага, с дырками.

Набрав полный рюкзак, Муравьев расплатился. Теперь этот рюкзак надо было надеть – а заливчато подхватить его с пола... лет двадцать назад он, возможно, рискнул бы. Эдуард Анатольевич вытащил рюкзак на крыльцо, поднял его на перила и только тогда надел. Ого. Лямки чувствительно надавили на плечи. Да, шестьдесят лет. Отмерянный статистикой срок.

Этот день прошел в трудах. Муравьев, оправдывая фамилию, таскал, раскладывал, тер, мыл, работал вовсю. Старая радиолка пела ему песни.

– И значит, нам нужна одна... победа! – подпевал Эдуард, не смущаясь отсутствием голоса и слуха, – одна на всех... а, ч-черт... мы за ценой... не постоим!

Ему всегда нравился физический труд. Эдуард Анатольевич обожал колоть дрова, косить траву – его крупное, костистое тело было создано не для бумажной тихой работы. Вот еще почему он так любил дачу – тут можно было вдоволь покрестьянствовать.

Пластинка закончилась, и в наступившей тишине Муравьева вдруг осенила одна не очень приятная мысль. Он так и не позвонил родным, удачно добравшись. Вчера он не стал звонить, опьяненный свободой, он просто забыл – но почему не позвонили они? Мало ли что могло с ним случиться? Муравьев тяжело присел, бездумно сжав в руке тряпку. «Не нужен ты им, не нужен», – мысль скользнула по сознанию и затихла. Любому, вырастившему детей, такая мысль не в новинку. Эдуард вздохнул, повозил тряпкой по спинке кровати, потряхнул головой.

– Десятый наш десантный батальон, – пробурчал он.

Он взглянул на часы, было уже за полночь. Заубирался. Оставив тряпку, Эдуард пошел взглянуть, как там печка.

Почти прогорела. Перемигивались красные глазки угольков, понемногу застилаемые пеплом. Муравьев нагнулся к печке, чтобы тепло коснулось лица. Он зажмурился, счастливо вздохнул – и закашлялся от медного, жаркого, острого запаха пламени.

Он проснулся ночью.

«А вдруг с ними что-то случилось?»

Ночь навалилась на окна, почуяв его страх. Эдуард сел на кровати.

«Нет. Не может быть. Все должно быть в порядке».

«А если? Мало ли что, ведь сейчас так опасно...» Эдуард нащупал на столике часы, и, прищурившись, посмотрел на фосфоресцирующие стрелки. Четыре часа. Муравьев сжал часы в кулаке, лег и стал ждать утра.

Едва дождавшись восьми часов, он позвонил домой. Длинные гудки. Ну конечно, иногда на ночь телефон выключают... Или все уже ушли? Пашка – в школу... Эдуард позвонил дочери. «Абонент не отвечает или временно...» Да ладно, она могла оставить мобильник заряжаться. Зятю. «Абонент не отвечает или...» Внуку! «Абонент не...» Да что такое! Ладно-ладно, Пашка в школе, мобильник он мог забыть, оба на работе, ну да, ведь сейчас будни, он-то привык, что проводит на даче лишь выходные...

Днем он позвонил всем еще раз, с тем же результатом, и забеспокоился уже всерьез. Страх за близких сел к нему на плечо и зашептал на ухо всякие ужасы. Эдуард, не желая потакать страхам, решил подождать до вечера.

Но вечером ничего не изменилось. Муравьев сел и минуту подумал. Нужная мысль пришла. Обзвонить всех родных и друзей, кто-нибудь что-то да знает.

Полностью разрядив мобильник, Эдуард испугался по-настоящему. Ни один телефон не отвечал. Работали определители номера и автоответчики, у кого они были, но люди не подходили, не брали трубку, не говорили «алло». Муравьев отложил телефон. Страшное предположение. Началась война. Москвы больше нет. Только разбросанные камни, куски бетона, осколки стекла, мешанина из того, что было раньше городом.

«Взрыва не было! Ничего – ни самолетов, ни взрывов, чтобы уничтожить весь город нужна атомная бомба, да и АТС работают!»

А может, это бактериологическая война? Город цел, а люди...

Муравьев вскочил, словно желая бежать, спасти... стоп. До Москвы не добежишь. Значит... Ну как же, люди. Соседи.

Муравьев шагнул к двери, распахнул ее... было уже темно. Одиноким фонарь дальше по улице мигал Эдуарду, зябко шуршали ветки деревьев, и висел в воздухе то ли туман, то ли очень мелкий дождик. «Поздновато... по соседям-то идти». Муравьев замаялся. Сейчас его предположение казалось полным маразмом. Хорош он будет полдесятого вечера: соседи! Война не началась? А то что-то дозвониться ни до кого не могу!

Эдуард затоптался на крыльце. В темноте, к тому же, жутковато. Тишина, безлунное небо, черный, вырезанный из ночи лес на горизонте. Он представил, как выходит из дома, идет по Лесной улице, вглядываясь в чужие участки, трогает замки на калитках. Сегодня, он же вспомнил, будний день, и приехали наверняка двое-трое на весь поселок, вряд ли знакомые. И вот стучится к ним какой-то подозрительный тип, людей вокруг нет...

Муравьев поежился и вернулся домой, к теплой, пахнувшей огнем, печке. Ему было очень одиноко. Как жаль, что рядом никого нет. Его коллеги... уже бывшие, но столько лет вместе... Мерцевич, вечно бледный и склочный, Пал Палыч, Сильвестровна... громогласная, добрая, ироничная Сильвестровна. А их нет, и телефоны их молчат. А еще лучше, чтобы тут была его семья. Боже, какая тоска, почему такая тоска? До утра далеко, а ночь за окном терпелива. Что делать? Опять звонить – но вдруг опять никто не ответит?..

«Я – дурак, – подумал Эдуард, – надо было еще днем идти по соседям».

«А если бы ты их, – пришла мысль, – не нашел?»

Эдуард Анатольевич встал и начал ходить по комнате, два шага – поворот – шаг – поворот, он всегда, волнуясь, начинал ходить из угла в угол, трогая вещи, размахивая руками. Дурацкие мысли лезли в голову. Ночь глядела на него из всех окон. В юности он любил ночь, не зашторивал окна перед сном, выходил поздно вечером гулять – в темноте он казался себе красивым, гибким, зорким зверем. Сейчас же этот огромный пристальный взгляд пугал Муравьева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.